

Переживет ли марксизм перестройку?

Эта рубрика, начиная с 3-го номера за 1990 г., стала одной из ведущих в журнале. Выказано немало интересных и глубоких суждений о разных сторонах марксизма, особенностях его развития. В целом различаются три достаточно самостоятельных подхода к анализу этой проблематики, которые Представлены и в современной обществоведческой литературе:

1. Ортодоксальное направление ставит целью воссоздание с аутентичного»

марксизма. Предполагается, что допущенные ошибки и искажения в разработке теории и общественных делах — это отнюдь не результат следования марксистской доктрине, а деяния прямо противоположного свойства — отстранение от нее, извращение ее смысла и духа. Отсюда ставится задача: концентрировать творческие усилия на очищении марксизма, его методологии от различного рода ложных напластований и искажений.

2. Ревизионистское направление исходит из естественнoисторической ограниченности марксизма, как и всякой общественной теории. Происшедшие и происходящие в XX в. радикальные исторические изменения привели к тому, что многие положения марксизма устарели и нуждаются в переосмыслении. Марксизм подлежит не отбрасыванию, а диалектическому снятию, что предполагает не только освобождение от всего устаревшего в нем, но и в критическое освоение и сохранение всего ценного, что в нем содержится.

3. Еще одно направление можно обозначить как нигилистическое. Оно исходит из того, что доктринальные основы марксизма не верны изначально. Именно следование им на практике привело к таким необоснованным вмешательствам в ход исторического процесса, результатом которых стал затяжной кризис, поразивший все сферы жизни «нового общества», а невозможность дальнейшего втискивания истории в рамки утопии и сопротивление здоровых сил этой губительной традиции все более поднимают планку социальной напряженности в обществе.

Редакция считает, что все три подхода имеют право на существование, а какой из них более обоснован и плодотворен — это должно выясняться в их конкуренции и полемике. Критические же замечания и пожелания сводятся к следующему.

Проявляется неравномерность и даже однобокость в разработке вопросов, относящихся к данной теме. Значительно больше внимания уделено рассмотрению философии и диалектики марксизма, различным аспектам его социально-политической доктрины, но пока остаются в тени экономическая, этическая, эстетическая, педагогическая и некоторые другие стороны марксизма.

Также значительно неравновесие между критическим анализом марксизма и — на этой основе — творческой разработкой теоретических и методологических проблем общественных наук: первое явно перевешивает второе. Думается, что именно решение этой второй, в сущности, главной задачи, позволило бы раскрыть истинный потенциал каждого из названных выше направлений и

4*

действительное место марксизма в истории общественно-политической мысли. В русле этих исследований может быть продуктивно, по нашему мнению, реализован междисциплинарный подход к проблеме, которая приковывает к себе внимание представителей различных общественных наук. Для нашего журнала такая задача остается центральной.

Поскольку название рубрики, по мнению некоторых, излишне публицистично и тем самым несколько сужает видение этих задач, мы готовы заменить его другим, если читатели подтвердят такую необходимость и предложат приемлемую альтернативу.

Л. МАМУТ. Учение Маркса о государстве требует переосмысления

Большие перемены в политической и идеологической жизни страны, накопленный к исходу XX в поучительный опыт, достижения современной общественной мысли безотлагательно требуют проведения серьезной дискуссии относительно актуальности представлений К-Маркса (марксизма) о государстве. Ведь эти представления составляют идейно-теоретическую и методологическую базу советского государствоведения. Они поныне в существенной степени определяют его структуру, ориентированность, познавательный потенциал, способность влиять на социальную практику. Настало время для вдумчивого, непредубежденного и ответственного разговора о вещах, чрезвычайно важных для судеб нашего общества.

Приглашение к подобной дискуссии показалось бы странным некоторым западным марксистам. С их точки зрения, марксизму не хватает подлинной политической теории; К. Маркс не сумел развить собственной концепции государства, более того — вообще не разработал какого-либо учения о государстве. Одни аргументируют такую точку зрения ссылками на то, что Маркс считал-де государство только продуктом экономических отношений и отказывает ему в самостоятельности. Другие полагают, будто взгляды Маркса на государство лишены оригинальности. Третьи убеждены, что в рамках марксизма просто невозможно построить науку о государстве. Четвертые отмечают отсутствие у Маркса систематического изложения его политической филосо-

фия, отдельного обобщающего труда по государствоведению.

По моему мнению, безусловно, можно и должно признать существование марксова учения о государстве именно как учения — определенного, внутренне логически упорядоченного и обладающего объяснительной способностью комплекса знаний. Совершенно другой вопрос, каковы действительное содержание, структура, внешние формы и иные признаки рассматриваемого учения.

Долгое время господствовало убеждение — во всяком случае среди советских исследователей: марксизм есть некий духовный монолит, все компоненты которого столь гармонично взаимосвязаны, что из него нельзя изъять ни единой частицы, не разрушив его целостности. Естественно, убеждение это распространялось и на восприятие марксова учения о государстве.

Ничего хорошего, эвристически полезного такая установка не дала, ибо на самом деле учение Маркса о государстве (впрочем, как марксова философия, политэкономия, историография) вовсе не было монолитным. В силу нескольких обстоятельств оно сложилось в виде системы взглядов, неоднородной по составу, полиморфной в своих проявлениях. Достаточно указать хотя бы на то, что питали ее разнородные идейные источники, в частности классическая политэкономия и социалистические доктрины популистского толка. Маркс выступал в весьма неодинаковых ипостасях: как ученый-теоретик и как идеолог-революционер, автор капи-

МАМУТ Л. С. - доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права АН СССР. Автор работ в области истории политико-юридической мысли, общей теории государства и права.

тальных монографических трудов и партийно-программных документов, пропагандистских и публицистических работ. Кроме того, он оставил после себя обширное эпистолярное наследие. Ясно, что все вышедшие из-под пера Маркса тексты политического профиля не тождественны по решаемым в них задачам, характеру поднимаемых вопросов, по глубине разбора последних, используемому в этих текстах языку.

Еще следует учитывать, что на протяжении длительной эволюции взглядов Маркса на государство¹ шло не просто их изменение (корректировка, обновление, совершенствование), но также и накопление отдельных несовпадений, появление противоречий, известных пробелов и т. п. Отразились на этих взглядах и переменчивая политическая конъюнктура, и жесткая логика классовая и партийная борьбы.

С исторической точки зрения учение Маркса о государстве видится масштабным, весьма значительным явлением. Есть основания полагать, что марксистской теории государства уготована примерно та жизнь, которой живут в веках политические идеи Конфуция и Библии, Платона, Аристотеля, Цицерона, Августина и Фомы Аквинского, Мора, Макиавелли, Гоббса, Локка, Монтескье, Руссо, Бабефа, Канта, Гегеля, Прудона, Бакунина и др., ставшие неотъемлемой частью духовного достояния цивилизации. Интерес к ним всем непреходящ. Потому и марксовской теории государства как крупному и яркому историко-культурному феномену забвение не угрожает.

С точки зрения современности дело обстоит сложнее. Марксистское (точнее, марксистско-ленинское) учение о государстве по-прежнему фигурирует в ранге политико-теоретического знания, призванного быть «руководством к действию». Этим знанием

так или иначе оперируют политики при описании и объяснении мира. В нем усматривают научный каркас политического проекта, целеуказания, схемы и рекомендации которого стараются претворить в практике строительства государственно-правовой системы советского общества. Прежде всего здесь в процессе практической реализации теории постоянно возникают острее вопросы относительно истинности, эффективности, наконец, приемлемости для настоящего и будущего марксовых представлений о политике, власти, государстве. Слишком впечатляющие результаты возведения марксизма в ранг официальной государственной идеологии, драматичны итоги осуществления предложенного им политического проекта, чтобы такие вопросы не возникали, чтобы не предпринимались попытки найти на них удовлетворительные ответы. В поисках ответов резонно исходить из того, что не все (вплоть до самых мелких деталей) содержащееся в марксовом учении о государстве равнозначно. Думается, будет разумно поначалу установить, что в этом учении является сердцевиной, смысловым ядром, а что находится на периферии, главной теоретической и прагматической нагрузки не несет, его специфической природы не обуславливает.

Сердцевину марксистского учения о государстве образует, на мой взгляд, группа следующих утверждений, органически связанных друг с другом, подкрепляющих и дополняющих друг друга. Порядок их перечисления в данном случае особой роли не играет.

1. Государственность — политическая надстройка; она производив от экономического строя общества, вторична по сравнению с ним. Выдвигая этот тезис, Маркс считал, что социальная детерминация есть в принципе однонаправленный процесс, который получает первотолчок от диалектики материальных производительных сил и затем по цепи причинно-следственных зависимостей распространяется снизу вверх по всем этажам общественного здания от фундамента до крыши. Высказываются, однако, соображения о том, что социальная детерминация — отнюдь не прямолинейная, механическая (причинно-следственная) связь, а связь круговая, органическая. Она «являет собой поливалентное взаимодействие факторов, из которых любой (смотря по обстоятельствам.—Л. М.) ... может оказаться «основ-

¹ Учение марксизма о государстве — плод совместных усилий К. Маркса и Ф. Энгельса. Проблема личного вклада каждого из них в его создание в нашей литературе специально пока не рассматривалась. В дальнейшем, когда употребляются термины «учение марксизма о государстве», «марксова теория государства» и др., под ними разумеется, конечно, совокупность воззрений на этот предмет Маркса и Энгельса.

ным», доминантным»². К тому же аттестация государства в качестве надстройки, принадлежности, дополнения и «украшения» экономического базиса провоцирует понимание государства как некоего второсортного продукта истории, малозначающей социальной величины.

2. Государство — особый аппарат насилия, использующий прерогативы публичной власти, чтобы поддерживать, защищать политическое господство класса, который главенствует в экономике. Государство, политическая власть «в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого»³. В марксистской теории государство, рассматриваемое в плане его организации, толкуется (за редкими исключениями) сужение — как государственная машина, система различных управляющих ведомств и помогающих им служб. Другие существенные аспекты устройства государства сколько-нибудь пристального внимания не вызывают. Функция, которую государственная машина, удовлетворяя интерес экономически наиболее могущественного класса, выполняет по отношению к противостоящим ему социальным группам, объявляется преобладающей (сплошь и рядом — единственной) в деятельности государства. Такое редуцирование обедняет картину действительной, многоаспектной структуры государства, реально отправляемого им набора функций.

3. Государство возникает и существует в результате раскола общества на антагонистические классы (на общественные группы с противоречивыми экономическими интересами), ведущие непрерывную и непримиримую борьбу между собой («Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Справедливости ради замечу, что в «Анти-Дюринге» излагается и иная, более достоверная версия генезиса государственности. Но должной проработки и освещения она в марксизме не получила. В исследованиях советских историков (В. Илюшечкина, Л. Васильева и др.) показано, что формула «государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов» (Энгельс) и схожие с ней суждения не отражают всего богатства условий, причин,

² Вильчек В. М. Алгоритмы истории. Философско-социологические этюды. М., 1989, с. 29.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.

механизмов и процедур появления государственности. Составить из них работающую универсальную схему объяснения происхождения государства нельзя. Полезно, кстати, знать: идею возникновения государства из-за появления частной собственности, повлекшей за собой имущественное неравенство, развивал Ж.-Ж. Руссо. Он называл, идя по стопам Т. Мора, государство хитроумным изобретением богатых с целью оградить их собственность от посягательств со стороны эксплуатируемых и неимущих. Однако эта идея не опиралась на анализ конкретного исторического материала, носила в общем умозрительный характер. К чести Руссо, сам он считал ее не более чем гипотезой.

4. В марксизме преобладает подход ко всем государственным формам, ко всем институтам публичной власти как воплощениям (явным либо открытым) диктатуры класса, политически руководящего обществом. Будучи орудием диктатуры, государство, естественно, «говорит» на языке насилия. Другой язык ему почти незнаком. Контекст принуждения, подавления, насилия чаще и охотнее всего избирается для рассмотрения проблематики государственности. В этом контексте практически нет места свободе. И неудивительно: государство и свобода — антиподы. По Энгельсу, рождающееся в горниле пролетарской революции государство (т. е. опять-таки диктатура, классовое государство, других ведь не бывает) «есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников... пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство перестает существовать»⁴.

Поистине здесь — квинтэссенция политико-философского понимания государства создателями марксистской теории. Нисколько не преувеличивая насчет квинтэссенции. Эксперт с моей стороны — В. Ленин. Именно о приведенных строках (и их контексте) он отзывался так: «Одним из самых замечательных, если не самым замечательным, рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве является следующее место в письме Энгельса к Бебелю от

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 5.

18—28 марта 1875 г.»⁵. Мы сегодня отлично знаем, какая идеологическая и в особенности политическая практика утвердилась на таком жестком, элиминирующем свободу основании.

5. Пролетарски-революционное отрицание досоциалистической государственности Оно предполагает, по общему правилу, слом, разбитие сложившихся прежде политико-юридических структур, отмену ранее действовавших принципов организации и функционирования прежних институтов государства (например принципа разделения властей, системы парламентаризма), ряда стандартов политической и правовой культуры. Такая радикальная установка логично следовала из признания существующих учреждений, законов, традиций и т. д. лишь инструментами, с помощью которых имущие, эксплуататорские классы охраняют свое господство над обществом, подавляют, держат в повиновении пролетариев, трудовой люд. Задачу исторической преемственности в области государства пролетарская революция перед собой не ставила. Равно как и вопросы сбережения громадного богатства политико-юридической культуры (в особенности ее либерально-демократического пласта), выстраданной цивилизованным человечеством. Помимо прочего это небрежение было следствием представлений, будто вся история вплоть до начала эры социализма не была подлинной, настоящей историей, а являлась только подготовлением к ней, предысторией. Следовательно, все, что вызрело и бытовало на стадии предыстории (в том числе государственность), было *eo ipso* не вполне настоящим и посему не очень достойным щепетильного отношения.

6. Диктатура пролетариата — политический рычаг установления социалистического миропорядка. Рабочий класс посредством своего государства, которое он воздвигает на месте разрушенной им предшествующей государственности, осуществляет насильственное подавление непролетарских слоев общества, ликвидирует шаг за шагом представленные этими слоями общественные структуры. Ничто, наверное, так не выражает дух, пафос марксистского учения о государстве, как идея диктатуры пролетариата. Изъять ее — значит распротиться с данным учением. Напрасно К. Каутский утверждал в полемике с пришедшими к власти большеви-

ками, будто такая идея у Маркса промелькнула случайно. Ведь сам Маркс среди сделанных им открытий в социальной науке назвал вывод: «классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата»⁶ Ленин был стопроцентно прав, когда подчеркивал, что сущность учения Маркса о государстве может быть вполне усвоена лишь в том случае, если понята необходимость диктатуры одного класса как для всякого классового общества вообще, так и для пролетариата, свергнувшего господство буржуазии и осуществляющего руководство обществом на историческом этапе перехода от капитализма к коммунизму⁷. По Ленину, идея диктатуры пролетариата — одна «из самых замечательных и важных идей марксизма в вопросе о государстве»⁸. Чем предстает на деле диктатура пролетариата? Тем же, чем всякая классовая диктатура. Маркс скорее всего не стал бы возражать против ленинского взгляда на диктатуру как на власть, «ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся»⁹. Последствия практического установления и осуществления диктатуры пролетариата в комментариях не нуждаются.

7. Диктатура рабочего класса «сама составляет лишь переход к уничтожению всех классов и к обществу без классов»¹⁰. Свою историческую миссию она реализует в первую голову «при помощи деспотического (!) вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения»¹¹. Как искореняется строй частной собственности? Пролетарское государство шаг за шагом отбирает, вырывает у буржуазии весь капитал. Оно централизует в своих руках все орудия производства, весь транспорт, кредит. Экспроприируется земельная собственность. Вводится одинаковое для всех принуждение к труду¹²; создаются трудовые

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 427.

⁷ См. Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 33, с. 35.

⁸ Там же, с. 27.

⁹ См. Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 384.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 446.

¹¹ Там же.

¹² Примечательно, что в современных русских переводах «Манифеста Коммунистической партии» формула «принуждение к труду» (*Arbeitszwang*) дается в застенчивом, щадящем варианте — «обязательность труда».

⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 33, с. 35

армии, особенно для земледелия. Однако искоренение строя частной собственности не есть акт простого перераспределения общественного богатства (материальных и иных благ) в пользу пролетарского государства (или пролетариата, организовавшегося в господствующий класс).

Этот акт одновременно означает разрушение товарного производства и товарообмена, упразднение товарно-денежных отношений, свертывание рынка и сети обслуживающих его инфраструктур. Тем самым он неизбежно влечет за собой гибель того социального жизнеустройства (включая политику, правовое общение, нравственность, быт, культуру, сферу духа и т. д.), которое зиждется на упомянутых экономических устоях и образует с ними органическую целостность.

С ниспровержением строя частной собственности пролетарское государство превращается в единственного, монопольного обладателя основных орудий и средств производства. Сообразно этому оно создает народнохозяйственный комплекс, ячейками, элементами которого становятся государственные предприятия, органы, ведомства. Отныне они работают не по законам товарнопроизводящей экономики. Их деятельностью движут не собственные экономические стимулы, а распоряжения директивных инстанций, взявших на себя заботу о

пье государства и его членов. Концентрация в руках пролетарского государства подавляющей массы производительных сил порождает возможность подчинить их динамику сознательному контролю общества (в лице государства), обеспечить их эффективное развитие по единому рациональному плану. Оппоненты Маркса давно указывали на то, что, ратуя за революционную пролетарскую диктатуру, экспроприацию экспроприаторов», за огосударствление экономики, централизованно-плановое управление ею, за принуждение всех к труду, он, по существу, прошел мимо колоссальных опасностей, поджидающих общество, в котором победит диктатура рабочего класса.

Оппоненты и критики марксизма предупреждали: в таком обществе обязательно резко усилится зависимость людей от государственной власти, поскольку монополия государства на средства производства автоматически превращается в тотальный надзор за жизнедеятельностью человека. Демократические и правовые институты, нормы,

процедуры неминуемо окажутся в нем неработоспособными и мешающими новой пролетарской власти, произойдет ограничение личной инициативы, индивидуальной свободы, самостоятельности людей. Предсказывалось, что закономерным итогом всего этого раньше или позже будет в области политики установление тоталитарного режима, а в сфере экономики — замедление экономического роста, падение жизнедеятельного уровня населения, развал народного хозяйства.

Увы, многократно проделанные в XX в. эксперименты по коренному изменению общества согласно марксистским предначертаниям подтвердили печальную правоту большинства этих критических прогнозов. К сожалению, и сам Маркс, и его приверженцы оказались глухи к подобным предостережениям.

8. На пути «к обществу без классов» устраняются главные предпосылки и причины, породившие государство. Ликвидируются эксплуататорские классы; с ними с исторической арены уходят социальные антагонизмы, исчезает классовая борьба. Трудящиеся превращаются в однородную массу работников, удовлетворенных своим положением, своей судьбой. Управление общественными делами упрощается, поскольку устранена слепая стихия рынка, нет политических конфликтов. Отношения между людьми становятся прозрачными и понятными. Руководство обществом осуществляется во всеоружии гигантски развившейся науки и соответствующих технических средств.

В описанных условиях, по замыслу, начинается и протекает процесс отмирания государства, необходимость в котором все больше и больше ослабевает. В конце концов, общество отправляет «всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором»¹³. Мысль о вероятности и желательности достижения безгосударственного состояния общества — не изобретение марксизма. Однако в марксистской теории под нее были подведены доводы экономического, социально-исторического, технико-организационного плана и тем ей был придан вид научного прогноза. Как и идея диктатуры пролетариата, тезис об отмирании государства подвергся

практическому испытанию в ходе строительства социализма. Когда его пытались претворить в жизнь, получалось, что выполнение функций, имманентных во всяком нормальном обществе только государству (выступать суверенным объединением, быть единственным официальным представителем общества, осуществлять публично-властные прерогативы — законотворчество, управление, правосудие), узурпировали различные негосударственные структуры, например компартия. При этом они приобретали полномочия государства, но не брали на себя обязанности, которые оно несет в отношении своих членов, общества в целом.

Попытки отделить государственность в музей древностей приводили не столько к дезатизации общества и формированию системы коммунистического общественного самоуправления, сколько к полной анемии государства, к образованию в обществе иных реальных центров публичной власти. Притом всегда такая власть оказывалась бесконтрольной, безответственной и безнаказанной; ее не сдерживали общепринятые порядки и стандарты государственно-организованной жизни. Сегодня и в обозримой перспективе тезис об отмирании государства играет и будет играть деструктивную социальную роль.

На этих страницах пришлось затронуть лишь некоторые основные положения марксистской теории государства. Каждому из них и всем им вместе взятым еще предстоит стать объектом систематического углубленного анализа со стороны советских исследователей, прежде не занимавшихся по-настоящему верификацией текстов и идей Маркса. Этот анализ покажет меру их подлинной научной и практической состоятельности.

А в наши дни даже те, кто сохраняет верность социалистическому идеалу, вынуждены констатировать: марксизм переживает кризис. По-видимому, суровой проверки исторической практикой не выдержали и представления, которые образуют смысловое ядро, концептуальный стержень марксистского учения о государстве и которые служили для советских ученых в качестве исходных, отправных, методологических и идейно-теоретических принципов государственствования. Очевидно, что эту роль они больше исполнять не должны. Какие-либо недомолвки, экивоки на сей счет неуместны.

Круг воззрений Маркса и Энгельса на политику, власть, государство включает, по моему убеждению, также немало взглядов, не утративших своей эвристической ценности, информативности, историко-научной уникальности. Они должны так или иначе удерживаться в современном политико-теоретическом знании. Правда, подобного рода взгляды не связаны, как мне кажется, напрямую с многократно упоминавшимся смысловым ядром марксистского учения о государстве, слабо с ним состыкованы, не преисполнены пролетарски-антибуржуазной идеологией. Располагаются они преимущественно на втором плане марксистской политической доктрины, специально не акцентированы, не выпячены в ней и соответствующим образом не развиты. Среди них чаще встречаются идеи, заимствованные Марксом и Энгельсом либо у предшественников, либо у своих современников. Объем журнальной статьи позволяет привести лишь незначительную часть этих не устаревших положений.

1. Конечная причина возникновения и последующей динамики государства — общественное разделение труда. «Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда внутри общества. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными, и — появляется государство¹⁴. Став отдельной и относительно автономной силой, государство начинает стремиться к возможности большей самостоятельности, обретает собственную логику движения.

2. Развитие государственности в целом не есть ближайший результат сознательных акций, заранее спланированных действий людей, могущих по своей воле задать этому развитию любое направление, любой темп, любую форму. Нет, оно — спонтанный естественно-исторический процесс, который подчиняется своим объективным законам. Высказывается опасение, что в рамках подобного понимания «мало места остается для человеческой свободы, для выбора того или иного пути развития, для постановки вопроса о его альтернативности»¹⁵. Не разделяю

¹⁴МарксК.,ЭнгельсФ. Соч., т. 37, с. 416.

¹⁵«Вопросы философии», 1990, № 11, с. 43.

такого опасения. Трактовка эволюции государства как естественно-исторической эволюции не стесняет человеческой свободы, допускает возможность выбора альтернативных способов и линий движения. В естественно-историческом процессе снят разрыв между природной «железной» каузальностью и детерминацией через свободу. Неизбежным он делает крах только произвольных, волюнтаристских вмешательств в ход развития государственности, твердо гарантирует (раньше или позже) банкротство лишь авантюрного обращения с ней.

3. Один из модусов государства — публично-властная форма организации классового общества. Государство служит «связующей силой цивилизованного общества» (Энгельс). Само государство и есть особая, политическая коллективность, интегрированная в целое посредством публично-властных отношений, институтов, норм и равномащтабная собственно обществу»¹⁶. Поэтому государство (с точки зрения его организации и назначения) выступает также его единственным социально легитимированным официальным представителем.

Из такой трактовки государства вытекают принципиальной значимости теоретические и практические выводы. Остановлюсь на одном.

Как единственный официальный представитель общества государство суверенно: его власть верховна, самостоятельна и целостна. Только государство обладает всеми публично-властными прерогативами и не делит их ни с какими учреждениями, корпорациями, союзами, существующими в обществе. Наличие двух суверенных мастей в одном государстве, двух носителей публично-властных полномочий губительно для государства¹⁷. Таков объективный политический закон, закон жизни государственно устроенного общества. Маркс решительно (и обоснованно) возражал против намерений разделить, раздвоить такое свойство государства, как суверенитет: «уж по самому своему

понятию суверенитет не может иметь двойного, а тем более противоположного себе существования»¹⁸. Время от времени возникает соблазн перехитрить, обойти упомянутый объективный политический закон и совместить несовместимое: добиться существования в одном государстве сразу двух или даже нескольких суверенных (стало быть равноценных, равновеликих) государственных властей.

Странно, что такому соблазну поддаются и люди, которые, наверное, считают себя марксистами. Например, авторы новейшего (март 1991 г.) проекта Договора о союзе суверенных республик. Они провозгласили в этом проекте: «Каждая республика — участник договора — является суверенным государством. Союз ССР — суверенное федеративное демократическое государство...»¹⁹. Получается нечто невообразимое: и Союз — суверенное государство, и входящие в него республики — тоже суверенные государства. Трудно предположить, будто авторы проекта искренне верят в жизнеспособность этой конституции, сооружаемой вопреки объективному политическому закону, понятие о котором Маркс сформулировал предельно четко: «Две суверенные власти не могут одновременно, бок о бок, функционировать в одном государстве. Это — нелепость вроде квадратуры круга»²⁰. Если такую нелепицу реанимируют, настойчиво делают на нее ставку, то, разумеется, не по неведению, но исключительно в расчете на получение желаемого политического выигрыша. Но реален здесь только проигрыш. Нарушения объективных (действующих независимо от наших симпатий и антипатий) политических законов никогда не остаются безнаказанными.

4. Превращение государства «из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный»²¹ и им контролируемый, как одна из центральных задач грядущих социальных преобразований. В ходе таких преобразований решается проблема политического отчуждения, устанавливается оптимальная мера воздействия государства на жизнь общества и т. п.

¹⁶Государство, пишет Маркс в первой главе «Немецкой идеологии»,— форма, «в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения Т 1 М., 1979, с. 62).

¹⁷Это прекрасно знал уже Т. Гоббс; достаточно ознакомиться с его «Основами философии (Часть третья. О гражданине)» и знаменитым «Левиафаном».

¹⁸Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 250.

¹⁹«Известия», 9 марта 1991.

²⁰Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 263.

²¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 26.

В домарксистской литературе суммой названных и близких к ним вопросов особенно занимались теоретики либерализма. Соотношение общества и государства рассматривалось ими в виде связки цель—средство». Необходимым объемом деятельности государства признавалось, в частности Гумбольдтом, лишь то, что способствует благу общества, индивида. Контроль за деятельностью государства должна была осуществлять определенная система запретов. Тот же Гумбольдт считал, что государству воспрещено «когда бы то ни было самовластно пользоваться человеком для осуществления своих намерений, игнорируя его индивидуальные цели»²². Не допускается государству и воздействовать на положение граждан даже во имя достижения конечных позитивных целей. Вообще людям никакие благодеяния нельзя навязывать, сопровождать страданиями благодетельствуемых. «Государственный союз является лишь средством, имеющим подчиненное значение; этому средству не должен быть принесен в жертву человек, как раз и составляющий истинную цель»²³.

Будущий тип жизнеустройства — «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»²⁴. Комментировать это предсказание незачем. Какой здравомыслящий человек не будет приветствовать такого типа жизнеустройство? Скажу только, что данный проект навеян духом гуманистического индивидуализма, исповедовавшегося многими титанами европейского Возрождения, идеями либерализма XVIII—XIX веков. В приведенных словах «Манифеста Коммунистической партии» можно различить отзвуки кантовского категорического императива, мысли А. Смита о всеобщей пользе, присимой свободным обменом товаров между свободными собственниками, идей утилитаристской этики. Констатируя эти факты, в целом присоединяюсь к мнению Г., Шахназарова: «основоположники марксизма до известной степени пренебрегли замечательным творческим наследием великих политических мыслителей, в первую очередь Мон-

тескье и Руссо, Локка и Джеферсона»²⁵. Случайно ли пренебрегли? Вот в чем вопрос Парадоксальным образом в Манифесте общеизвестная формула ассоциации будущего дается прямо вслед за перечнем таких мероприятий по «насильственному ниспровержению всего существующего общественного строя», проведение которых не только заставит содрогнуться старые господствующие классы, но и капитально заблокирует вход в царство свободы.

Широкое переосмысление марксистских взглядов на государство нельзя провести без тщательного исследования причин и обстоятельств, под влиянием которых Маркс и Энгельс создали именно то учение о государстве, а не какое-либо иное. Причин и обстоятельств много. Они историко-ситуативные и практически-политические, идеологические и теоретико-познавательные, нравственные, духовно-культурные, персоналогические и др. Приведу в пример некоторые из философско-мировоззренческих предпосылок, положенных Марксом и Энгельсом в основание развитого ими учения о государстве. Коммунистическая доктрина, ориентированная на упразднение мира частной собственности и водворение социализированного беспроblemно-счастливого человеческого общежития. Философия истории, трактующая ход развития цивилизации в виде бесконечной цепи схваток добра со злом, смертельных сражений антагонистических сил (борьба классов) и прорыва, скачка в «подлинную историю», освободившуюся от стихийности, неупорядоченности и рационально управляемую. Традиции скептического и негативного восприятия государственности, институтов власти, политической культуры, права и правопорядка.

К этим философски-мировоззренческим предпосылкам добавлю и одну теоретико-познавательную: неколебимую веру Маркса и Энгельса в то, что им удалось создать единственно правильный научный метод изучения социальных явлений, позволивший найти единственно верные научные ответы на основные вопросы, которые стояли перед обществоведением. Подобная вера, порождавшая иллюзию монопольного обладания истиной, блокировала иные варианты анализа государства и права; она сужала

²² В. фон Гумбольдт. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства. «Язык и философия культуры». М., 1985, с. 75.

²³ Там же, с. 89.

²⁴ Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 446.

²⁵ Шахназаров Г. Х. В поисках утраченной идеи. К новому пониманию социализма. М., 1990, с. 22.

поле их исследования и вела к упрощенному пониманию этих сложных предметов. Случившаяся позднее канонизация взглядов Маркса и Энгельса на государство и право еще усугубила такое аномальное положение.

Сегодня ни для кого не секрет: комментаторско-систематизаторская манера изучения взглядов Маркса и Энгельса на государство (ею немало грешил и автор этих строк),

которая базировалась на подбострастии и вере, антинаучна. Теперь предстоит преодолеть трудные идеологический, методологический и психологический барьеры — занять по отношению к этим взглядам принципиально новую, действительно исследовательскую позицию, перестать абсолютизировать их, сделав таким образом обычным объектом современного научного анализа.

© Л. Мамуг, 1991